

АНДРЕЙ ДМИТРУК КИНО

Андрей Дмитрук

КИНО

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18396999
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Физик Кирилл Невредимов открывает нечто невероятное. Оказывается, рядом с нашей реальностью лежит другая, и её вызвал к жизни... кинематограф. Те, кого мы считаем героями фильмов, живут в своей вселенной полноценной человеческой жизнью. Но есть силы в нашем мире, которые хотят воспользоваться этим открытием в наихудших целях. Спасаясь от преследователей, Невредимов пускается в странствие по киномирам. Там он находит и свою любовь.

Содержание

МОРСКОЙ БЕРЕГ НОЧЬЮ	5
ПОСАДКА НА «БОГЕМИЮ»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Дмитрук

КИНО

Повесть-фантазия

*В стране, незримой для нас, но куда более
реальной, чем наша реальность...*
Идрис Шах

МОРСКОЙ БЕРЕГ НОЧЬЮ

Нет, Кирилла никто не просил уйти, – упаси Бог, ребята были так приветливы. Но он понял: наступает момент, когда третий становится лишним. Тем более, для молодожёнов.

– Ну, и куда же ты намылился? – спросила Мими, услышав, что Кевин собирается покинуть бар. – Сейчас, между прочим, принесут пирог с корицей. Ты заказывал.

– Пусть официант завернёт, а коридорный отнесёт ко мне в номер. Я его утром съем, с кофе. О'кей?

– Слушай, ковбой, а ты, вообще, в порядке? – поинтересовался Гай, вздёргивая брови, отчего его лемуры глаза стали ещё больше. – Что-то ты мне сегодня...

– Кевин ещё не отошёл от вчерашнего, – сочувственно сказала Мими – и нежную прохладную ладонь положила на руку Кирилла.

– Да чего там... – Он нарочито беспечно пожал плечами. – Деньги были при мне. По сути, считай, ничего и не украли, просто перерыли вещи.

– Куда же ты пойдёшь? – спросил Гай.

– Хочу погулять у моря. Когда ещё сюда попаду... если попаду.

В их лицах и позах ничего не изменилось, но Невредимов заметил радостную переглядку. Что ж, пускай поворкуют. Три дня ведь, как поженились. Временная приставка, обя-

зательная для «реальности-два». И эта вчерашняя попытка кражи испортила им настроение: топотня отельной прислуги, дурацкие вопросы местного детектива... Хорошо, что завтра придёт «Богемия» и увезёт их в свадебное путешествие. Но, с другой стороны, – как же не хочется прощаться с Мими!..

Миновав стойку бара, он вышел на белую наружную лестницу, освещаемую матовыми шарами на столбиках. Спускаясь по ней, Кирилл сверху любовался огромным танцполом, расчерченным узором в виде солнца с расходящимися лучами. Балетмейстеру эти лучи помогали выстраивать ряды танцующих. Здесь по ходу фильма полсотни чёрно-белых пар отплясывали зажигательный «Континентал». Кирилл даже стихи сложил в такт (он иногда писал свои тексты к песням из американских мюзиклов): «Кто «Континентал» будет танцевать, подругу в танце должен целовать...» В заэкранье эта феерия повторялась ежевечерне, к радости постояльцев отеля. Они сидели за ресторанными столиками с трёх сторон площадки, – а в тылу её высился, сверкая, центральный корпус «Белла Висты». Из него на построение для «Континентал» выбегали пары через ряд крутящихся дверей, по широким ступеням. Два крыла отеля обнимали танцпол и ресторан. По ним на этажах тянулись балконы; там тоже пили, и веселились, и смотрели вниз, на калейдоскоп танца.

В этом мире, в отличие от своего родного, Кирилл не нуждался в очках, они просто исчезли при переходе. Принцип

совместимости снабдил Кевина Филлипса отличным зрением, и физик наслаждался, без натуги рассматривая ловкие движения танцоров, стройные ноги девушек.

Но сегодня «Континентал» уже отгремел, да и музыканты, наверное, пошли пропустить по рюмочке. Зато впереди у Кирилла, внизу, там, где оканчивалась лестница, чирикал легкомысленный джаз. Сойдя поближе, он услышал, как на самом берегу, в ярко освещённом шатре с флагом на макушке, дружно стучат каблуки.

Миновав клумбу с розами, Невредимов подошёл к шатру. Динамики надрывались, но сквозь разухабистую музыку проступал глухой рокот прибоя. Его ничто не могло заглушить в эту ночь. На полосу светлеющего песка, кипя, накачивались из мрака пенные гряды. Дальше качались, словно буйки, головы нескольких ночных купальщиков – и, наконец, вставала помеченная редкими бликами тьма.

В шатре столики располагались кругом под стеной, середина пола была пуста, и на ней прыгала молодёжь. Кто из парней в летней пиджачной паре, кто в футболке и шортах; на девушках закрытые пляжные костюмы и кокетливые шапочки. 1934 год, напомнил себе Кирилл. Счастливое время целомудрия, когда нудистов разгоняла полиция, а педиков не стеснялись называть их настоящим именем. С другой стороны, физику до сих пор не хватало компьютера в номере и мобильного у пояса.

– А-а, вот и Кевин! Здорово, парень! Ты ещё трезвый, по-

чему?..

Пэм, в своём белом атласном комбинезоне с широкими развевающимися брюками, кудрявая, раскрасневшаяся, вырвалась из толпы, волоча за собой долговязого партнёра.

– Вы не знакомы? Это Эгберт Фитцджеральд. Представляешь, он адвокат из Нью-Йорка!

Чмокнув Пэм в обе яблочные щеки, что доставило ему немалое удовольствие, Невредимов потряс руку брюнету с правильным, но брюзгливым и глуповатым лицом. Эгберт совершенно не загорел и выглядел нелепо в майке, трусах и сандалиях.

– Кевин Филиппс, очень приятно.

– Он тоже янки, – всё ещё трудно дыша, сообщила девушка. – У него табачный магазин в Цинциннати. Кевин там – король вирджинских табаков!..

– Ну, ты и скажешь, Памела! – Кирилл игриво обнял блондинку, Пэм прижалась к нему на пару секунд – и отскочила. Ртуть, не в первый раз подумал Невредимов. Резва, как молодая собака. По фильму, имени у неё нет: просто девчонка на курорте, охмуряющая долдона адвоката. Здесь, в «реальности-два», она тоже небольшая шишка: Пэм Карпентер из маникюрного салона, душа молодёжной компании. Зато в мире прототипов её играет Бетти Грейбл, будущая голливудская кинозвезда. Наверное, надо быть именно такой шустрой, неуёмной, чтобы тебя заметили режиссёры и возвели на пьедестал.

Пэм, несомненно, нравилась Кириллу, в заэкране «Весёлого развода»¹ – Кевину. Но, как ни странно, несмотря на её задор, свежесть и, честно говоря, доступность, в его влечении было очень мало от секса. Хотелось целовать её, тормошить и тискать, будто ребёнка или щенка, – не более... Всех женщин, безусловно, затмевала собой Мими, абсолютно прекрасная молодая жена лопоухого лемура, жидковолосого Гая Холдена. Но Холден был гениален, и физик не хотел даже пытаться нарушить его супружеское счастье. Правда, по большому счёту, великим танцором и певцом был не Гай, а его земной прототип – давно скончавшийся Фред Астер. Как, собственно, ослепляла собой и кружила голову не Мими, а сыгравшая её Джинджер Роджерс. Однако в фильмомире это дела не меняло.

Итак, Пэм влекла Невредимова, да и он ей, пожалуй, не был безразличен. Сейчас Кирилл умыкнул бы девушку, но мешал Фитцджеральд, с его скрипучим голосом и миной презрительного превосходства. (Кстати, как звали актёра, который его сыграл? Тоже какое-то имя... с вывертом!) Поэтому, выпив с этой парой один коктейль и от души напоследок чмокнув девушку в розовые губки, – он сослался на некую встречу и отчалил. Хотелось окунуться в безлюдье ночи, побродить над грохочущим накатом.

¹ «Весёлый развод» (1934, США) – мюзикл, мелодрама, комедия. Режиссёр Марк Сэндрич. В главных ролях: Фред Астер, Джинджер Роджерс, Элис Брейди, Эдгар Эверетт Хортон и др. Композитор Макс Штайнер.

«Белла Виста», большой курортный отель, со своими пристройками, павильонами и пляжными кафе, царил над всем, словно гора сияющих жемчужин. Но по мере того, как физик удалялся, ровно шагая по влажному упругому песку, – и громада отеля занимала всё более скромное место под звёздным небом, и властная, громкая музыка, доносившаяся из баров и ресторанов, отступала, пряталась за торжествующим голосом моря. До следующего острова света и музыки было далеко. Назойливые запахи еды, спиртного и женских парфюмов пополам с потом – сменились живительной струёй соли, йода и гниющих водорослей. Кирилл остался один на один с морем и ночью.

Болью сжав сердце, припомнилось: вот так-то, в провале времён, под Феодосией, где они снимали частный домик, мама водила Кирюшу вдоль успокоительно вздыхающего нака-та. В летние крымские ночи ему разрешали не ложиться рано. Однажды босая нога мальчика наткнулась на красивую раковину...

Он понятия не имел, куда направляется. Заэкранный курорт был ещё плохо известен, не говоря уже обо всей этой вселенной. Слава Богу, физик нашёл над собой пару знакомых созвездий: светлячки Плеяд, пояс Ориона... Конечно, спасибо этому миру за то, что в нём работает закон, Кириллом и его партнёрами по проекту названный принципом совместимости. Стоило Невредимову, ещё во время телефонных бесед с четой Холденов, назваться Кевином Фи-

липпсом из Цинциннати, владельцем табачного магазина, как этот универсум принял его в своё естество – и при переходе снабдил всем необходимым. Материализовавшись в пустынном месте, Филиппс появился в отель с полным чемоданом костюмов и хорошего белья, со всеми положенными документами и суммой наличных, достаточной для безбедного проживания на модном британском курорте. Понятно, здесь действовали ещё неведомые науке законы вероятности, – но всё же этот принцип изрядно напоминал живое, разумное божество...

Странная выдалась ночь. Небо почти что свободно, лишь пряди облаков скользят, полускрывая звёзды; ветер ласков, – но некая сила вздымает и обрушивает прибой, мало отличный от штормового. Что за мышцы играют в глубинах моря?.. В сплошной тьме, на рейде, движется группа огней: возможно, то маневрирует «Богемия», чтобы утром подойти к причалу. Слева, в двадцати шагах, цепью горят на столбах фонари, там проходит прибрежная автострада. Рассеянный свет достигает пляжа. Впереди, килем кверху, лежит гребная шлюпка – и на её выпуклом боку сидит человек.

Тревога царапнула изнутри, физик чуть замедлил шаг. Лицо сидевшего осветилось снизу, он курил сигару. Невредимов заметил тонкие подбритые усики, выпуклые водянистые глаза.

- Мистер Филиппс! Наслаждаетесь ночной прохладой?
- Разве мы знакомы, сэр? Интересно. Что-то я...

– Знакомы, знакомы. По крайней мере, вы меня, безусловно, видели.

Мужчина медленно встал, оказавшись на голову выше Кирилла. «В драке у меня шансов не будет», решил тот; но чувство достоинства принудило стоять на месте и держаться как можно независимее.

Так они и стояли друг против друга, пока физик не вспомнил расхожую фразу из фильмов:

– Чем могу вам помочь?

– Нет, – это я, пожалуй, могу вам помочь, сэр... – Сигара полыхнула, родив алые искры в зрачках незнакомца; дразнящий аромат гаваны доплыл до Кирилла. – Прежде всего, позвольте представиться: профессор Сирил Блоссоп.

«Господи, надо же! Почему не узнал сразу? Столько раз видел на экране, пока мы работали с этим фильмом... Это же первый муж Мими! Актёра забыл напрочь, но персонаж – профессор геологии, жуликоватый тип и самовлюблённый зануда. Я ещё думал: Сирил – это что, по-английски Кирилл? Неприятно... Чтобы развестись с ним, Мими пришлось нанять подставного любовника, слащавого итальянца. Вернее, нанимала её комичная тётка вместе с адвокатом Фитцджеральдом. Да чёрт с ними со всеми, – конечно, не с Мими: я-то здесь с какого боку?! И в чём надо помогать совершенно нейтральному курортнику, Кевину Филиппсу из Цинциннати?...»

Внезапно Кирилл понял, и волна онемения прошла по его

телу, от макушки до кончиков пальцев.

– Она при вас? – понизив голос, спросил Блоссоп. Невредимов ещё путался в ответе, когда профессор, шагнув вперёд и обдав дымом, своим длинными руками пробежал по карманам его летней куртки, обхлопал бока и бёдра.

– Но... что вы делаете, сэр? («А вот двинуть его сейчас по яйцам... решимости не хватает, интеллигент паршивый!...»)

– Извините, дело слишком важное, чтобы соблюдать формальности. Где вы держите её?

Стараясь соблюдать позу и интонации оскорблённой гордости, Кирилл ответил:

– Прошу прощения, но я не знаю, о чём идёт речь. Позвольте мне идти своей дорогой!

– Ваша дорога... – Геолог выпустил клуб дыма и снова вставил сигару в рот. – В том-то и дело, что она может очень скоро закончиться... – Вдруг он склонился к самому лицу собеседника. – Слушайте меня внимательно, мистер Филиппс, или как вас там *по-настоящему*! Мы, правда, ещё не знаем толком, откуда вы здесь взялись, но кое-какие догадки уже имеются...

Хоть угрожающий тон Блоссоба был изрядно наигранным, даже театральным, – у Невредимова пересохла гортань и чаще забило сердце. Он и до сих пор не чувствовал себя уверенно в заэкране, – а тут, похоже, надвинулась настоящая опасность.

– Предложение к вам будет такое, – выпрямившись, отче-

чил Сирил. – Либо вы добровольно, спокойно отдаёте на-
мёй – и дальше живёте, как хотите, и наши пути больше ни-
когда не пересекаются, либо... извините, но мы её добудем
любой ценой, а за вашу жизнь я не дам и двух пенсов.

– Профессор... – Кирилл собрал всю свою небогатую
оставшуюся волю, чтобы ответить спокойно и даже с юмо-
ром. – Я вам повторяю: не знаю, о чём вы говорите, и что я
вам должен отдать. Я в самом деле тот, за кого себя выдаю.
Чёрт побери, – можете проверить в Цинциннати, в нашей
мэрии, в налоговом управлении, где хотите...

– Может быть, – резко прервал его геолог. – Может быть,
всё и так, хотя я подозреваю другое. Но это не меняет су-
ти. Книга, мистер Филиппс, – нам нужна книга, которую вы
недавно купили. Если решим полюбовно, можем даже по-
говорить о вознаграждении... хорошем вознаграждении. Вы
же коммерсант! Но если нет... – Блоссоп развёл руками. –
Потом не обижайтесь. У вас двенадцать часов на все раз-
мышления. – Он картинно посмотрел на часы. – Завтра, в
два часа восемнадцать минут пополудни, мы вас найдём, где
бы вы ни были. Так что – очень советую – будьте не с пусты-
ми руками! И лучше всего, здесь, на этом же месте. Желаю
приятного отдыха.

Отвесив издевательский поклон, Блоссоп бросил и затоп-
тал окурок сигары. Затем отвернулся и на долгих ногах, точ-
но аист, с хрустом зашагал по песку в сторону города.

ПОСАДКА НА «БОГЕМИЮ»

Пару дней назад, гуляя по городу, Кирилл зашёл в лавку букиниста. Ещё подумал о том, что само наличие этого магазина, подвального, тесного, пахнущего пылью и прелой бумагой, подтверждало ту модель заэкранированных вселенных, в которой каждый универсум имел все элементы подлинности, а не одну казовую сторону. То бишь, «внутри» легковесного мюзикла не все пели и отплясывали: задник разукрашенной съёмочной площадки скрывал прозу жизни. Другими словами, если на экране мелькнули ворота завода, то в «реальности-два» за ними скрывались работающие цеха, а за оградой кладбища можно было обнаружить подлинные могилы.

Но магазин всё же оказался особенным, далёким от житейской прозы. Киношное бытие накладывало печать экзотики на любой скучный предмет. Корешки старых книг на полках, поднимавшихся до потолка, и стремянки на колёсиках здорово напоминали физику такой же вот интерьер из фильма, название которого всплыло не сразу. Но когда продавщица, одетая темно и скромно, с бледными щеками, говорившими о жизни без солнца, начала вдруг рассказывать: «Вот здесь у нас неопозитивизм, а здесь – экзистенциализм», Кирилла осенило. Ну, разумеется! Девушка, работавшая здесь когда-то, хрупкая и независимая Джо Стоктон, переквалифицировалась в модели и, должно быть, вышла (или

выходит) замуж за фотографа Дика Эйвери, – но преемница переняла её облик и привычки... а может быть, инструкции для продавщиц остались прежними. «Забавная мордашка»²... Однако, по фильму, магазин находился в Нью-Йорке. Какой же дьявол перенёс его в Англию?..

Успокоив себя тем, что это, наверняка, совпадение, – Кирилл-Кевин начал объяснять девице, что его не интересует нечто определённое; он просто хочет посмотреть товар, вдруг глаза остановятся на чём-то... Университетский «инглиш» Невредимова был скуден, но, согласно принципу совместимости, в англоязычном мире стал безупречным, да ещё с акцентом штата Огайо. Девушка выслушала и не возразила.

Перебрав на стеллажах с десятков книг и всё так же понятия не имея о том, что он ищет, Кирилл ощутил на затылке пристальный взгляд. Обернулся. Глядя дружелюбно и сочувственно (Боже, у неё и глаза почти как у Одри!..), за ним стояла продавщица. Она протягивала небольшую книгу тёплого жёлто-коричневого цвета.

Невредимов взял... Книга была толщиной в его мизинец; ни названия, ни рисунка на обложке. Последняя казалось очень старой: её обтягивал вытертый плюш, уголки были накладные, кожаные.

– Я думаю, это вас заинтересует, – сказала она с напев-

² «З а б а в н а я м о р д а ш к а»(1957, США) – мюзикл, мелодрама, комедия. Режиссёр Стенли Донен. В главных ролях – Одри Хепбёрн, Фред Астер, Кэй Томпсон и др. Композиторы Адольф Дойч, Джордж Гершвин.

ной интонацией Одри. (Пожалуй, лавка заряжена психической энергией Джо Стоктон... если такое может быть.)

Кирилл раскрыл книгу...

Таксист высадил его у черты, за которую машины не заезжали. Дальше лишь автокары возили багаж. Народ толпился за невысоких штакетником, вокруг пассажирского трапа «Богемии». На фоне чёрной стены корабля, продырявленной рядами окон, – толклись шляпы и шляпки, несколько раз брызнула вспышка магния. Должно быть, отплывала какая-нибудь знаменитость, кинозвезда или спортсмен, с меньшей вероятностью – политик. Впрочем, подумал Невредимов, может быть, так провожают Гая Холдена? По сюжету «Весёлого развода», он танцор с громким именем.

Расплатившись с водителем, Кирилл подхватил свой чемодан и совсем было уже тронулся к пароходу, – но вдруг удержал шаг.

Вообще-то, он ожидал подобного, когда сегодня брал билет на «Богемию». Всё случилось как-то само собой. Завтракал вместе с Холденами на террасе, и вдруг белокурая, светлоглазая, нежно-розовая Мими, красивая до боли в своей ажурной широкополой шляпе, выпалила: «А поплыли с нами, Кев! Ты, вообще, Францию видел?» Он не видел Франции – ни в ипостаси Кевина Филиппса, ни в своём коренном обличье Кирилла Невредимова, – но тут же уразумел, что страстно желает этого. Тем более, что четыре часа спустя

Блоссоп и его загадочные поделщики наверняка взяли бы за Кирилла, а «Богемия» отплывала раньше... Книгу физик не собирался отдавать: она была исполнена пока непонятной, но огромной важности. Шестое ли, седьмое чувство подсказывало: не век ему вековать в мире «Развода», наверняка найдётся возможность вернуться домой. Что, если ключ к переходу – как раз в книге?..

Конечно, если шайка профессора (уж не Мориарти³ ли – его настоящая фамилия?) следит за ним, то может вмешаться, не дать взойти на борт лайнера. Но, с другой стороны, здесь есть хоть какие-то шансы ускользнуть. Заявлять в полицию наверняка бессмысленно: Сирила они не найдут, страхи Кирилла сочтут беспочвенными и охранять его не станут. С другой стороны, проводить друзей и сидеть дальше в «Белла Висте», вздыхать по Мими, – верный путь к гибели. Эти клоуны запросто могут прикончить его, даже предварительно отняв книгу: на кой им свидетель, тем более, пострадавший?..

Словом, сразу после завтрака физик отправился в кассу отеля – и, к своей радости, обнаружил немалый выбор свободных мест. «Богемия» отходила полупустой. Возможно, если здешняя история совпадала с *исходной*, люди побаивались событий на континенте, усиления Гитлера. Но ведь до войны было ещё далеко, и фюрер усиленно болтал о миро-

³ Профессор Мориарти – глава лондонского преступного мира, гений зла в цикле рассказов сэра Артура Конан-Дойла о сыщике Шерлоке Холмсе.

любии «рейха»... Решив не морочить себе голову лишним, Кирилл взял каюту «сингл» (одноместную) на второй палубе, подальше от кормы, от ресторана, где с отплытием могла начаться шумная жизнь. Но главное – каюта помещалась почти рядом со свадебными апартаментами Холденов.

И вот теперь Невредимов стоял, не решаясь двинуться вперёд.

Отступив на несколько метров вправо, он остановился в тени портового здания. Физик был уверен, что до лестницы, ведущей на высокий борт лайнера, ему не дойти. В мессе провожающих и отплывающих наверняка находятся те, кто пырнёт его ножом в бок или выстрелит из бесшумного пистолета. Секунды потребуются им на то, чтобы ощупать убитого; не найдя при нём книги, забрать чемодан – и исчезнуть... Минут десять подряд все будут уверены, что у джентльмена сердечный приступ; затем начнутся вопли, побегут за полицией... Кириллу это всё уже будет безразлично.

О, да вот же они, родимые! Пара-тройка беспечных мужчин в скромных серых костюмах и надвинутых на нос шляпах подчёркнуто интересовалась тем, что происходит на борту. Они, дескать, уже проводили своих – и теперь ожидают отплытия.

Полисмены неподалёку похаживали, но, опять же, стоило ли их беспокоить? Что он скажет копам? «Один профессор геологии намекнул, что мне несдобровать, а теперь кто-то подстерегает меня на пути к трапу»?.. За такое они впол-

не могут послать «мистера Филиппса» ко всем чертям, а то и загрести, как пьяного или сбрендившего наркомана. В общем, на помощь закона надеяться не выпадало.

...А что, если рвануть вперёд на полной скорости? Бежать и орать во весь голос – например: «Мими, Гай! Эй, ребята, я тут!..» Мало шансов на успех, но всё же больше нуля.

Кирилл подхватил чемодан; напрягся, чуть согнув колени. Ну-ка, раз, два...

– Хэлло, Кевин! Ты что это, решил втихаря смыться? Хрена тебе лысого!

Грузовик с высокими бортами. Воткнувшись в точку, задребезжал и выбросил из-под кузова клубы дыма. Да кто же это выпрыгивает из кабины, в атласном комбинезоне, и бежит к нему, расставляя пошире руки? Кто с налёту, чуть не сбив с ног, обнимает Кирилла – и, обдав густым запахом духов, пота, виски, целует взасос?..

– Пэм, да ты что, Пэм!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.